

АГО КЮННАП (Хельсинки)

ОБ ИНСТРУМЕНТАЛЕ ЮЖНОСАМОДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Как в селькупском, так и в камасинском языке имеется общеупотребительный инструменталь с окончанием $-s(\bar{s}) \sim -z\bar{s} \sim -(z)\bar{s}$ в селькупском языке и $-s\bar{s}(\bar{c}) \sim -z\bar{s}(\bar{c})$ в камасинском, напр., сельк. (К) *ute|se kuele|n orgolsam* 'я руками рыбу поймал; ich fing den Fisch mit den Händen' (вернее, в единственном числе 'рукой'; *ut* 'Hand'), *pitje|se po patjesam* '(jag) högg trädet med ухан; ich spaltete das Holz mit der Axt' (*pitjə* 'Axt'), (П) *mat kagli|sä tūsäk* 'я нартой приехал' (*kagli* 'нарта, сани'), (Д) *tan masim ęttond^o tädäk kũnd^z|ze* 'sinä vie minut hev osella jurtalle' (*kũndə* 'hevonen'), (Л) *ukkir ti|sse|se selfši ątáp kenniti* 'mit einem Pfeil tötete er sieben Wildrenntiere' (*tissä* 'Pfeil'), камас. (Д) *ui|wtš^e p'añđ^oli|st* '[es] drückt herab mit seinem Fusse' (*ui|w* 'Fuss, Tatze, Pranke'), *šoiđ^o |đ^z sũ^{bt}bi* 'mit dem Gefäss aus Birkenrinde schöpfte er' (*šoiđ^o* 'Korb, Gefäss aus Birkenrinde'), (К-п) *šobiⁿⁱ inē:|ziⁿⁱ* '(они) приехали лошадыми (= на лошадах, верхом на лошадах)' (*inē* 'лошадь'), *batitū|ži ulłūt^c sa|ja^{p'i}* '(они) топором отрубили (ему) голову' (*batitū* 'топор').

Кроме основной инструментальной функции, у этого падежа в обоих языках имеется и комитативная, напр., сельк. (Д) *man lo|kkān^ze* 'kettuni kanssa' (*lo|k^ka* 'kettu'), (П) *jomva imil|nānvi|sā ilimvāki* 'Юмпа с бабушкой своей жили (говорят)' (*imila* 'бабушка'), *ira|sā kändak* 'со стариком пойду' (*ira* 'старик'), (Д-н) *me ilen|a|ze teldan kōze|zaj poqirle* 'мы с Еленой вчера ездили промышлять сетями', камас. (Д) *o^B nukkt^t baška tibi|že amnōbi* 'eine seiner Frauen mit einem anderen Manne lebte' (*tibi* 'Mann, Ehemann'), (К-п) *ni koptō |zi bar uzē |rbiⁿⁱ*: 'мальчик с девочкой выросли' (*koptō* 'девочка, дочь').

Довольно часто рассматриваемый падеж выполняет и другие падежные функции, напр., сельк. (К) *limbe|se pigelžena* 'kotka ksi muutti itsensä' (по А. И. Йоки), *tibenjar kōk|se werka* 'брат мой князем живет; mein Bruder lebt als Fürst' (*kōk* 'Herr, Fürst'), (Д) *mat te|b^o|se tšēn|tšuan* 'minä hänen kanssa puhun' (*tēb* 'hän'), (П-а)

iwan k ā n s a s | s e n e k e t t i 'Ivan piirpua polttaa' (по А. И. Йоки), *q u p | s ä o r k i l p i t i l l i m p i* 'ihmisen kiinniottama kotka' (по А. И. Йоки), камас. (Д) *i a k ' s ä a | z i p ä r p '!* 'im Guten kehre zurück!' (*i a k ' s ä ' g u t '!*), (К-п) *e i t e m n e " j i m b i d d a " ä e ' z i i ' a z i t t i* '(они) не умели с этим ничего делать' (*d e ' э т о '!*). Сюда же, по-видимому, относятся такие явления в селькупском языке, как (К) *a m a r ä n - d e | s e i l a* 'кушанием живет; er lebt essend', *t u e r e t t e l m e n - d e | s i l a* 'воровством живет; er lebt vom Stehlen'. Упомянутые функции в самом общем смысле можно назвать модальными.

Инструменталь выступает и в абсолютном и в посессивном склонении. В первом окончании инструментalia имеют следующие варианты: сельк. (К) *-s, -sɨ, -se, -sä, -s^e, -sea, -seä, -si, -si, -sse, -še, -ze, -ze, -xe, -xe, -he, -e (<* -he)*, (Д) *-sā, -sā, -sā, -sē, -sē, -se, -š^ə, -zē, -zē, -zē, -zē*, (П) *-sä, (Л) -səp, -šəp, (Д-н) -sa, -še, -že, камас. (К) -se, -se', -ze, -ze'* (Д) *-se, -se', -šē, -šē', -še', -še', -še, -zē, -ze, -ze', -zi, -zv, -z^ə, -zə, -žē, -žē, -žē, -žē, -ž^ə, -ž^ə, -z, (К-п) -zi, -zi, zi, -ziⁱ*; местами в селькупском языке встречаются и варианты: (К) *-nse, -nze, -sse (<* -nse)*. Во втором окончании инструментalia могут иметь следующие варианты (пунктиром обозначены пропущенные притяжательные суффиксы): сельк. (К) *-n...sa, -n...se, -n...si, -n...še, -n...ze, -n...he, (Д) -n...ze, -n...ze, (П) -n...sä, (Л) -n...səp, -t...səp (*-n > -t)*, камас. (К) *-se, -se', -ze, -ze', (Д) -se, -šē, -še, -šē, -š^ə, -š^ə, -š^ə, -š^ə, -ze, -ze', -zi, -zē, -zē, (К-п) -žⁱ, -zⁱ*. В селькупском языке при вариантах на *n* мы имеем дело с присоединением окончания инструментalia к словоформам, уже имеющим падежные окончания *-n* или *-n-* и следующие за ними притяжательные суффиксы, напр., (К) *l o k k a n s e* (= *l o k k a* 'Fuchs' + *-n* + действительное окончание инструментalia *-se*), *i m a n d e s e* (= *i m a* 'старуха, баба' + *-n-* + притяжательный суффикс 2-го лица ед. ч. *-de* + действительное окончание инструментalia *-se*). Следовательно, в посессивном склонении селькупского языка окончание инструментalia всегда следует за притяжательными суффиксами. В посессивном склонении камасинского языка суффикс инструментalia также следует за притяжательными суффиксами, напр., (К) *u d a l z e* (= *u d a* 'Hand' + притяжательный суффикс 2-го лица ед. ч. *-l* + суффикс инструментalia *-ze*). В абсолютном склонении окончания инструментalia присоединяются к основе слова или к числовым показателям основы, напр., сельк. (К) *s a k s e* (*s a k* 'Salz'), *k u m e t s e* (*k u p* 'Mensch'; признак множественного числа *-t*), камас. (К) *ä n i z e* (*ä n i* 'Boot'), *d a g a z a n z e* ~ *d a g a j e z e* (*d a g a* 'Fluss'; признаки множественного числа *-zaŋ* и *-je*).¹

Варьирование начальных согласных и гласных в рассматриваемых южносамодийских суффиксах инструментalia представляет собой чисто фонетическое явление. В принципе, к указанному явлению можно отнести и непоследовательное произношение гортанного смычного в конце камасинского суффикса инструментalia.² В звуковом отношении указанный гортанный смычный и служит единственным различителем тож-

¹ См. А. Schiefner, M. Alexander Castrén's Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg 1854, стр. 114—115, 178—181, 210—220, 325—328; А. J. Joki, Kai Donners kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik (= Lexica Societatis Fenno-ugricae VIII), Helsinki 1944, стр. 134—135, 137, 140—142.

² См. А. К ю н н а п, О непоследовательностях в произношении современного камасинского языка. — СФУ I 1965 I, стр. 47, 51.

дественных суффиксов инструментала в селькупском и камасинском языках.

Ниже коротко реферируются точки зрения других авторов на инструменталь южносамодийских языков. П. Хайду этимологически объединяет суффиксы селькупского и камасинского инструментала, а также камасинский суффикс инфинитива *-sšt(-) ~ -zšt(-)*, конечный *-t(-)* которого он считает суффиксом латива. Кроме того, П. Хайду объединяет с южносамодийскими суффиксами инструментала именной суффикс *-š*, конечный компонент *-š* именного суффикса *-ŋäeš* в ненецком языке, а также энецкий именной суффикс *-š*. У ненецкого суффикса *-š* он различает функции транзитива, мутатива, предикатива, эссива, модальности, количественного и местоименного наречия, у *-ŋäeš* — функции транзитива, мутатива, эссива, латива, модальности, количественного и местоименного наречия, у энецкого суффикса *-š* — функции транзитива, мутатива, эссива. (П. Хайду объединяет начальный компонент *-ŋäe* ненецкого именного суффикса *-ŋäeš* с ненецким именным суффиксом *-ŋäe* и с начальным компонентом *-ŋäe-* именного суффикса *-ŋäeχäe*. У суффикса *-ŋäe* он различает функции транзитива, мутатива, эссива, модальности, количественного и местоименного наречия, у суффикса *-ŋäeχäe* — функции транзитива, мутатива, эссива, количественного и местоименного наречия). Сюда же П. Хайду причисляет суффиксы инфинитива северносамодийских языков: ненец. *-š ~ -ž ~ -tš*, энец. *-š(i) ~ -d(i) ~ -t(i)*, нганас. *-sa ~ -se ~ -si* (*-ja ~ -je ~ -ji*). По мнению П. Хайду, которого он придерживался ранее, все указанные суффиксы восходят к суффиксу латива **-č* прауральского языка, начальная функция латива которого якобы рассеялась и дала целый ряд других функций. (Конечный компонент *-χäe* ненецкого именного суффикса *-ŋäeχäe* восходит, по П. Хайду, к раннему суффиксу латива). Соответствия суффиксу **-č* он находит и в финно-угорских языках.³ Очевидно, позднее П. Хайду пришел к мнению, что предполагаемый **-č* прауральского языка служил суффиксом латива-транзитива-эссива.⁴ Идея объединения конечного компонента *-š* ненецкого именного суффикса *-ŋäeš* с суффиксом инфинитива принадлежит И. Н.-Шебештьен. У ненецкого суффикса инфинитива *ею* и П. Хайду обнаружена также функция причастности.⁵ Эту же функцию Н. Терещенко находит у энецкого суффикса инфинитива, напр., (Т), *tōsь* 'дойдя' (дойти), *каара|сь* 'спустив вниз; сняв' (спустить вниз; снять), *dē|ть* 'потеряв' (потерять).⁶ Идея объединения ненецкого и камасинского суффикса инфинитива принадлежит Т. Лехтисало, которому принадлежит и следующее высказывание: «Möglicherweise ist das juraksamojedische infinitivsuffix als verbalnomen auf *š aufzufassen.»⁷ Следует обратить внимание на строки, написанные еще М. А. Кастреном: «Eine besondere Flexionsform für den Infinitiv haben unter den samojedischen Dialekten nur das Ostjak-Samojedische und das Kamassische. Das erstere bildet seinen Infinitiv vermittelt des Charakters *gu, ku*, welcher ein Ueberbleibsel einer besondern im Juraki-

³ P. Hajdú, *Lativus és infinitivus kapcsolata a szamojédban.* — In memoriam Gedeón Mészöly (= Acta Universitatis Szegediensis. Sectio Ethnographica et Linguistica), Szeged 1961, стр. 119—131; его же, *Lativ und Infinitiv im Samojedischen.* — CIFU, стр. 269—271.

⁴ P. Hajdú, *Bevezetés az uráli nyelvtudományba*, Budapest 1966, стр. 65.

⁵ I. N.-Sebestyén, *Attributive Konstruktionen im Samojedischen.* — ALHung. IX 1959, стр. 50; P. Hajdú, *Lativus és infinitivus kapcsolata a szamojédban*, стр. 127.

⁶ Н. Терещенко, *Энецкий язык.* — Языки народов СССР III, Москва 1966, стр. 452.

⁷ T. Lehtisalo, *Über die primären uralischen ableitungssuffixe* (= MSFOu LXXII), Helsinki 1936, стр. 201—202.

schen noch fortbestehenden Verbalform bildet, das letztere dagegen durch ein an den Stamm angefügtes *zet* (vergl. in den nördlichen Dialekten *š*). In allen übrigen Dialekten wird der Infinitiv theils durch Nomina verbalia, theils durch das Gerundium ausgedrückt.»⁸ В докладе, прочитанном на заседании Финно-угорского общества в октябре 1970 года, А. И. Йоки отметил: «*n*-suffiksin esiintyminen samojedikielissä instrumentaalis-instruktiivisessa ja modaalisessa funktiossa tosin tiedetään vanhastaan, mutta siihen on kiinnitetty kovin vähän huomiota.» (Рукопись доклада, стр. 8). Далее он предположил, что «*Suynä* vanhan *n*-instrumentaalin väistymiseen *slk*:sta ja *samS*:sta on ilmeisesti se, että näihin kieliin on kehkeytynyt aivan uusi kaasus, joka etenkin *slk*:ssa on saanut monia syntaktisia tehtäviä. Tämän uuden sijan — instruktiiviksi tai instruktiivi-komitatiiviksi nimetyn — pääte on *slk*:ssa *sä, se, si, kamassissa se?*, *še?* jne. (Kamassissa on siis vielä lopussa jokin lisäkonsonantti; eräissä *slk*:n murteissa tämä sija on selvästi *gen.-pohjainen*: pääte liittyy *gen.-muotoon*, joten kyseessä voi olla varhempi *postpositio*.) Myöhäsyntyisen sijapäätteen pohjana on ilmeisesti *yht.-samojedilainen adj.-suffiksi* (esim. *slk. mir-se-me-l 'kallis' < «hinnakas»*). Sen yhteyteen varmaankin kuuluu myös *samoj. resiprookki-suffiksi* (*slk. sä, jur. sa*), jolla on ilmeinen vastine ainakin *ostjakissa ...*» (там же, стр. 9).⁹ П. Хайду же отрицает возможность объединения окончаний инструменталю южносамодийских языков с коннективно-взаимными суффиксами самодийских языков, которые, по его мнению, происходят от прауральского притяжательного суффикса **-ŋVč ~ *-č*.¹⁰ Прочитав рукопись настоящей статьи, А. И. Йоки передал автору следующее замечание: «*Olen nyt sitä mieltä, että resiprookkis-adjektiivista suffiksia ei voi etymologisesti yhdistää instr.-komit.-suffiksiin.*»

С приведенными выше соображениями П. Хайду об общности самодийских суффиксов можно полностью согласиться. Эти суффиксы распадаются на две группы — именные и глагольные. Функции первых обобщенно можно назвать модальными, вторых — причастными. Но происхождение их от прауральского суффикса латива или латива-транзитива-эссива **-č* представляется весьма сомнительным по следующим причинам. Во-первых, рассматриваемые именные суффиксы по своей природе не являются в основном лативными или лативно-транзитивными. Указанные функции у этих суффиксов второстепенны, выступают большей частью в северносамодийских языках. Упомянутые функции являются далеко не основными и при рассматриваемых глагольных суффиксах. К тому же П. Хайду вовсе не учитывает причастные функции, которыми обладают указанные глагольные суффиксы в северносамодийских языках и которые уменьшают утверждаемую лативность или лативность-транзитивность этих глагольных суффиксов. При первоначальном лативном исходе всех указанных суффиксов трудно представить переход лативной функции в модальные и причастные функции. Трудно представить себе и первоначальный латив-транзитив-эссивный исход: такая комбинация функций при первоначальном падежном окончании кажется насильственной. Далее, по П. Хайду, выходит, что самодийские формы инфинитива образованы путем присоединения падежного окончания к основе глагола, но такое явление в самодийских языках было бы неожиданным, подобный случай был бы беспрецедентным. Наконец,

⁸ A. Schiefner, M. Alexander Castrén's Grammatik der samojedischen Sprachen, стр. 372.

⁹ A. J. Joki, Eräistä samojedin deklinaation *n*-aineksista. (Рукопись, находящаяся у автора).

¹⁰ P. Hajdú, A szamojéd konnektív-reciprok képző genetikai és areális-tipológiai ősszefüggései. — NyK LXXI 1969, стр. 64—65.

нельзя забывать и о том, что главная особенность южносамодийских суффиксов инструментала заключается в том, что в посессивном склонении они следуют за притяжательными суффиксами, а в селькупском языке они присоединяются и к словоформам и к падежному суффиксу *-n(-)*. Как известно, в селькупском языке таким образом употребляются лишь падежные окончания, имеющие постпозиционное происхождение, в посессивном склонении камасинского языка окончание инструментала является единственным падежным окончанием, которое следует за притяжательными суффиксами. Такое присоединение суффиксов ясно указывает на более позднее происхождение южносамодийских суффиксов инструментала, это же противоречит предположению некоторых авторов о том, что указанные суффиксы происходят от прауральского падежного окончания или же, как утверждают другие авторы, от словообразовательного суффикса (объединение южносамодийских суффиксов инструментала с суффиксами обладателя и взаимными суффиксами самодийских языков).

При выяснении происхождения суффиксов инструментала в южносамодийских языках большой интерес представляют данные северносамодийских языков, в первую очередь упомянутые выше именные суффиксы: ненецкие *-ñäe*, *-ñäeχäe*, *-ñäes*, *-ś* и энецкий *-ś*. И. Н.-Шебештьен и П. Хайду собрали ряд примеров их использования. Эти суффиксы встречаются довольно ограниченно (чаще всего в определенных типах предложений, в которых в качестве предикатива выступают глаголы, сбозначающие хождение). Оба автора суффикс *-ñäe(-)* отождествляют с основой *ñäe-* ненецкого вспомогательного глагола 'быть'.¹¹ Есть все основания считать такое предположение достоверным.¹² Следует указать, что еще М. А. Кастрен часто писал *ñae* раздельно, напр., *jieri ñae jilea* 'er lebt als Fürst' = очевидно, примерно 'живет, будучи князем'. Автор настоящей статьи считает вероятным и то, что при суффиксах *-ñäeχäe* и *-ñäes* мы в действительности имеем дело с причастными формами глагола 'быть', образованными при помощи первоначальных суффиксов причастий *-χäe* и *-ś*. Нет никаких причин считать последние какими-то первоначальными падежными окончаниями. Таким образом, становится понятной и кажущаяся функциональная пестрота рассматриваемых именных суффиксов, возникающая при разборе их с точки зрения падежных функций. Подходя к ним с точки зрения причастных функций, мы получим менее сложный результат. В этом направлении и рассуждала, по-видимому, И. Н.-Шебештьен при анализе суффикса *-ñäe*, напр., (К) *jiewukonae jilea* 'er lebt als Waise' = по И. Н.-Шебештьен 'Waise-seiend lebt', (Л) *ñaxarṗpō jiltēβī ñaťsēkkī ñarñäē χajje* 'er wurde so gross, wie ein drei Jahre gelebtes Kind' = по И. Н.-Шебештьен 'drei Jahre erlebtes Kind-gross-seiend ging (= wurde)', (Л) *śidenäē χäeχeni³* 'lass uns zu zweien gehen!' = по И. Н.-Шебештьен 'lass uns zwei seiend gehen!'.¹³ Очевидно, это же действительно в отношении суффиксов *-ñäeχäe* и *-ñäes*, напр., (Л) *ku'kkī řeläläm tsamtäetñäeχṗa kajjṗ* 'ein Teil von mir wurde zum Frosch' = 'одна часть-моя будучи-лягушкой ходила', *jid² χainnañēs* 'als Blutopfer des

¹¹ I. N.-Sebestyén, Attributive Konstruktionen im Samojedischen, стр. 47—51; P. Hajdú, Lativus és infinitivus képesolata a szamojédban, стр. 119—124; его же, Lativ und Infinitiv im Samojedischen, стр. 269—270.

¹² См. в частности I. N.-Sebestyén, Attributive Konstruktionen im Samojedischen, стр. 44—46, 49—50; P. Hajdú, Die sekundären anlautenden Nasale (*η*, *ñ*) im Samojedischen. — ALHung. IV 1954, стр. 26.

¹³ I. N.-Sebestyén, Attributive Konstruktionen im Samojedischen, стр. 47—48.

Wassers' = 'кровной жертвой воды будучи'. Подобным образом можно толковать и суффикс *-s*, напр., (Л) *miñš òrkkāš äēðlōš tarāš* 'man muss schneller fahren' = 'быстрее-будучи ехать надо', то же и в энецком языке, напр., (М) *teazahua u kasās kañib'id* 'jetzt bist du schon ein Mann geworden' = 'теперь ты мужчиной-будучи ходишь'.

Есть все основания предполагать, что ненецкий именной суффикс *-s* образовался из более длинной формы суффикса *-ñāés* путем стяжения гласных. Дело в том, что по известным данным этот *-s* в ненецком языке выступает прежде всего в канинском говоре¹⁴ (именной суффикс *-ñāés* в этом говоре отмечен лишь в одном случае¹⁵). Рассматривая диалекты и говоры ненецкого языка, Н. Терещенко указывает, что для самых западных говоров (канинский, колгуевский) особенно характерна утрата *η*, а также тенденция к стяжению гласных.¹⁶ Интерес представляет и предположение М. А. Кастрена, что ненецкий глагол *tañādm* = 'я есть, существую' образован от слов *tañā* 'dorthin' и *ñādm* = 'существую, есть'.¹⁷ Внимания заслуживает тот факт, что перед именным суффиксом *-s* гласный в основе имени почти всегда удлинненный, что можно считать результатом стяжения гласных, ср. напр., (Л) *β≈éš kōš xäēββī* 'er ist ein alter Mann geworden': *β≈éš kō* 'der Alte', *te"ettāηodāš saβon* 'du bist ein guter Wiederholer': *te"ttāηodā* 'Wiederholer'. Непоследовательность долготы ненецких гласных не позволяет с полной убедительностью судить об этом. В энецком же языке картина яснее: в большинстве случаев гласный основы перед именным суффиксом *-s* является долгим, его долгота резко отличается от общего фона гласных, напр., (М) *ublajgu βemōs muggadi sedabi* 'zum kleinen Fürsten machten sie einen Muggad'i: *βemo* 'Fürst' (: лат. ед. ч. *βemod*: ном. ед. ч. с притяжательным суффиксом 2 л. ед. ч. *βemor*: дат.-напр. 3 л. ед. ч. предзнач. скл. *βemozodu*), *mološ ituza siłajguos kañibit* 'sein Haar ist schon weiß geworden'. Следовательно, и энецкий именной суффикс *-s* мог произойти от более ранней формы **-Vs*, последняя, в свою очередь, от причастной формы вспомогательного глагола 'быть'. Особенно наглядно отдельные этапы развития этого процесса в северносамодийских языках, наречиях и говорах могут продемонстрировать следующие примеры: канинский говор ненецкого языка (Л) *piđi' šidāš tađaηūđiηe?* 'schneiden sie (es) zu zweien durch?' (*šidē* 'zwei'): другие говоры (Л) *šidiñāēš* 'zu zweien', *šitšēñāēš miññā-tš?* 'wohnt ihr zu zweien?', *šitšēñāēš kajjexu* 'sie brachen zu zweien auf' (*šidē, šitšēñ* 'zwei') : наречие мугади энецкого языка (М) *tozfikohoz šizēs kañibis* 'dann wurden es zwei' (*šize* 'zwei'): наречие бай (П) *side esi* 'вдвоем (досл. 'двое будучи')' (*side* '2'), (Т) *siže эш* 'вдвоем' (*siže* 'два') : авамский говор нганасанского языка (П) *sidi isa* 'вдвоем (досл. 'два будучи')' (*siti* '2'), (Т) *siti usya* то же

¹⁴ См. также Р. Hajdú, *Lativus és infinitivus kapcsolata szamojédiban*, стр. 123; его же, *Lativ und Infinitiv im Samojedischen*, стр. 269.

¹⁵ См. I. N. - Sebestyén, *Attributive Konstruktionen im Samojedischen*, стр. 50.

¹⁶ Н. Терещенко, *Материалы и исследования по языку ненцев*, Москва—Ленинград 1956, стр. 187—188.

¹⁷ А. Schiefner, M. Alexander Castrén's *Grammatik der samojedischen Sprachen*, стр. 433, его же, M. Alexander Castrén's *Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen*, St. Petersburg 1855, стр. 24, 280.

(*сити* 'два'). Здесь во всех случаях букв.: два-будучи. В селькупском языке, напр., подобна этой форма (Д) *sīdā̄ysē* 'zwei zusammen' (*šītā̄·γ'* '2') = 'два-будучи'. П. Хайду приводит следующий интересный случай, обнаруженный им в рукописных материалах Г. Вербова: нганас. *ñua kua jima isa konna'a* 'ребёнок мужчиной стал'.¹⁸ В отношении нганасанского языка Н. Терещенко отмечает: «Сочетанием существительного в именительном падеже с неопределенно-деепричастной формой глагола *ися* 'быть' образуется значительная форма: *Дирхяку та ися кона'a* 'Теленок стал оленем', *эмты куху някэлэтэ лу ися* 'Эту шкуру возьми для парки'.» В энецком языке эта же форма образуется при помощи суффикса *-эць*, напр., (Т) *Кезер' кобаза мез' дū" эць, пагэ" эць, пэ" эць муй"изу'* 'Шкуру дикого оленя используют на нюки для чума, одежду, обувь (букв.: дикаря шкуру чума нюками, одеждой, бокарями делают)'.¹⁹ А. И. Йоки приводит следующее селькупское предложение: (П-а) *werqi esa, orse esa* 'isoksi tuli, vahvaksi tuli'.

Надо отметить, что в неопубликованных материалах М. А. Кастрена по селькупскому языку есть собирательные числительные *siriae* 'обе, двое', *nehuae* 'трое'. Заслуживает внимания также транзитивная конструкция *os ja ae kanetjuro* 'тунгусом стану' = 'тунгус-будучи иду' (ср., напр., *kanjiro* 'ушел'). В данном случае мы имеем дело с неопределенно-причастной формой *ae* вспомогательного глагола 'быть'. В разных диалектах в функции неопределенно-причастной формы употребляются также формы *a|se*, *e|si*, образованные от того же вспомогательного глагола. М. А. Кастрен сопоставляет подобную энецкую форму *motae* 'резать; резавший; резал' с ненецкой формой причастия *mada|wy*.

По всей вероятности, как при северносамодийских суффиксах модальности *-ñäeš* и *-š*, так и при южносамодийских суффиксах инструментала мы имеем дело с причастной формой **V|šš* вспомогательного глагола 'быть', которая слилась с предшествующим именем. Эта форма имеет тот же суффикс причастия **-šš*, который в большинстве самодийских языков дал суффикс инфинитива (точнее, в северносамодийских языках неопределенно-деепричастный суффикс ненец. *-š ~ -ž ~ tš*, энец. *-š(i) ~ -d(i) ~ -t(i)*, нганас. *-sa ~ -se ~ -si* (*-ja ~ -je ~ -ji*)). В селькупском языке этот суффикс имеет причастную функцию, напр., (Д) *man kōndūrsam lokkam nend° āmdis* 'minä näin ketun тут istuvan'. Следует отметить, что причастие **Všš* от вспомогательного глагола 'быть' во всех самодийских языках является весьма подвижным и активным элементом. В камасинском языке оно в виде неизменяемой частицы *izä* присоединилось к причастию на *-bi*, напр., (Д) *bāz° dā būže urpāba mōbize bāzn a'tāyān nu'la'b°* 'nachdem dieser Alte sich wieder in einen Bären verwandelt hatte, steht er wieder auf dem Weg' (< *mō|bi* + *ize*; *mō|zət* 'werden; kommen; geschehen; können; bekommen').²⁰ При помощи этой же частицы в камасинском языке ранее образовывалось и сослагательное наклонение, позднее частица слилась с предшествующей глагольной формой, напр., (К) *ūsü|nä|m izä* > (Д) *uzzu|nē|m|zē* (1 л. ед. ч. от глагола *üzü|lä|m* > *uzü|lē|m* 'ich falle').²¹

¹⁸ P. Hajdú, *Lativus és infinitivus kapcsolata a szamojédban*, стр. 127.

¹⁹ Н. Терещенко, Энецкий язык, стр. 443; ее же, Нганасанский язык. — Языки народов СССР III, стр. 422.

²⁰ См. А. J. Joki, *Kai Donners kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik*, стр. 170, 172, 176.

²¹ Там же, стр. 169—170.

Подобное же происхождение, по-видимому, имеет $-s(\bar{s}) \sim -z\bar{s}$ в окончаниях форм будущего времени в селькупском языке, напр., (К) *tjaačembelēlp̄s* (1 л. ед. ч. от глагола *tjaačembalm* 'я зажег, топится').²² Заметим, что в камасинском языке наблюдается слияние с предшествующим словом и при других формах вспомогательного глагола 'быть', а также при других глаголах, хотя здесь частично имеем дело с аналогичным влиянием тюрко-татарских языков. Приведем пример на слияние с предшествующим именем: (Д) *əmbilē* 'weshalb, warum' < (К) *ūmbi ila* 'weshalb', ср. также (Д) местоимение *əmbi* 'was?' и причастие *iļē* от глагола 'быть'. Интересно отметить, что эти глаголы присоединяются главным образом к предшествующим именным формам глагола. При слиянии начальные гласные глаголов могли полностью исчезнуть.²³ Случаи присоединения глаголов к предшествующим словам и именам встречаются и в других северносамодийских языках, напр., ненец. (К) *sauwajileñe* 'reich' (*jile-* 'leben, wohnen, sein') = 'хорошо-живущий'.²⁴

Далее рассмотрим подробнее камасинский суффикс инфинитива $-s̄t(-) \sim -z\bar{s}t(-)$. По М. А. Кастрену, этот суффикс находится в абсолютном конце слова, напр., *kus|set* (*kut|li|m* 'ich tödte'), *še'b|zet* (*še'b|lä|m* 'ich verberge mich'). По материалам, собранным К. Доннером, за ним может следовать $-tV$ или $-tVn$. По мнению А. Й. Йоки, в одних случаях $-tV$ здесь является суффиксом латива, в других — притяжательным суффиксом 3-го лица единственного числа, суффикс $-tVn$ же всегда выступает в качестве притяжательного суффикса 3-го лица множественного числа. Напр., (Д) *tōnu|z̄ot* 'treten', *ku|z̄ot|t̄o* 'zu besuchen', *am|z̄it|t̄o* 'zu essen'.²⁵

Языковые данные камасинского языка, собранные автором настоящей статьи, позволяют утверждать, что $-tV$ стал обязательным компонентом суффикса инфинитива, полностью утратив при этом прежнюю функцию, напр., *bēs|šittē* 'пить', *h̄o|šittē* 'находить'. Отметим, что у К. Доннера суффиксу инфинитива иногда предшествует гласный *i*, который не относится к основе глагола, напр., *mō|z̄at* ~ *mo|i|z̄at* ~ *mo|i|st̄o* 'werden; kommen; geschehen; können; bekommen'. Вполне мыслимо, что в данном случае к основе глагола присоединена форма инфинитива (Д) *i|z̄it* от вспомогательного глагола 'быть'. Особый интерес представляет форма инфинитива в трех камасинских выражениях (вернее в трех вариантах одного выражения): (Д) *i| hell̄az̄ot!* 'nimm [mich] zum Gefährten!', *māna i|t̄ hel̄ast̄o!*, *manā i|t̄ h̄oll̄az̄ot̄o!* 'nimm mich zum Gefährten!'. А. Й. Йоки варьировал их перевод следующим образом: 'nimm mich als Kamerad' и предпологал, что в данном случае к имени существительному (Д) *h̄el̄e* 'Kamerad, Freund' присоединена форма инфинитива от вспомогательного глагола 'быть'.²⁶ И. Н.-Шебештьен считает вполне возможным, что в приведенном случае

²² См. Г. Прокофьев, Селькупская грамматика, Ленинград 1935, стр. 68—69.

²³ См. А. J. Joki, Kai Donners kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik, стр. 175—185, 187; А. Кюннап, О присоединении камасинских глагольных деривационных суффиксов к заимствованным словам. — СФУ III 1967, стр. 134—136; ср. так же P. Hajdú, Lativus és infinitivus kapcsolata a szamojédban, стр. 128.

²⁴ См. I. N.-Sebestyén, Attributive Konstruktionen im Samojedischen, стр. 43, 45—46.

²⁵ А. J. Joki, Kai Donners kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik, стр. 174.

²⁶ Там же, стр. 89, 174—175.

суффикс инфинитива непосредственно присоединен к имени существительному.²⁷ П. Хайду на основании рассматриваемой формы инфинитива приходит к выводу, что при именных основах камасинский суффикс инфинитива употребляется и в функции эссива.²⁸ Опираясь на данные северносамодийских языков, из всех приведенных предположений самым достоверным следует считать предположение А. Й. Йоки. Вполне очевидно, что камас. *hellazst* примыкает, например, к ненецкой форме модали (Л) *χαιηηηēs 'als Blutopfer'* = соответственно 'друг-будучи' и 'кровная-жертва-будучи'. Сомнительно, можно ли к имени существительному *hēle* прибавленную форму вспомогательного глагола 'быть' рассматривать в качестве формы инфинитива; по-видимому, суффикс *-zst* имеет в данном случае причастную функцию, как и суффиксы инфинитива в северносамодийских языках.

Особую проблему составляют гортанный смычный в конце камасинского суффикса инструментала и конечный *t* в суффиксе камасинского инфинитива, так как эти элементы не имеют этимологических соответствий в других самодийских языках. С предположением П. Хайду о том, что *t* является суффиксом датива, никак нельзя согласиться, так как камасинский язык не знает и, по-видимому, не знал ранее такого суффикса датива.²⁹ Проще обстоит дело в том случае, если исходить из предположения, что первоначальная форма суффикса инструментала, а также формы инфинитива камасинского языка восходят к причастным формам. А именно, в камасинском языке есть причастный суффикс *-t*, напр., (Д) *bōkēkēzst ārā 'gekochter Branntwein'* (*bōkēkēzst/lām* 'kochen', вернее 'варю'), (К-п) *k'ubās nō:rbtā|t 'красиво сказано'* (*nōrbu|lōm* 'говорю').³⁰ Т. Лехтисало даже предполагает наличие суффикса инфинитива *-t* в камасинском языке, напр., (К) *pišti|t 'lachen'* (*bište|lām* то же, вернее 'смеюсь').³¹ Последний, несомненно, тождествен суффиксу причастия *-t*. Можно предположить, что в камасинском языке существовал сложный суффикс причастия **-šš|t* (< **-šš|tV*), имевший несколько этапов развития. Как известно, в камасинском языке произошел переход **-t > -'* (> $\emptyset$). Этот же гортанный смычный обнаруживается в конце камасинского суффикса инструментала. В камасинском суффиксе инфинитива подобного изменения не произошло, ему препятствовали *-tV* или *-tVn*, следующие за *t*, и *t* сохранился.

Происхождение суффиксов инструментала южносамодийских языков могут объяснить некоторые сравнения с суффиксами в селькупском и камасинском языках. В селькупском языке существует суффикс инфинитива *-ko, -ku, -go, -gu*, но М. А. Кастрен привел ряд интересных примеров, в которых вместо указанного суффикса может употребляться суффикс *-lä*: *uurgō (uurlä) tenemernam* 'плавать умею; ich kann schwimmen', *uutjego ~ uutjelä tanamdang* 'я работать привык; ich gewöhnte mich ans Arbeiten' и т. д.³², ср. также (Д)

²⁷ I. N.-Sebestyén, Attributive Konstruktionen im Samojedischen, стр. 43.

²⁸ P. Hajdú, Latívus és infinitívus kapcsolata a szamojédban, стр. 127—128; его же, Latív und Infinitív im Samojedischen, стр. 270—271.

²⁹ См. А. Кюннап, Система местных падежей в камасинском языке. — Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum. Tallinn, 17.—23. VIII 1970. Тезисы I, Tallinn 1970, стр. 178.

³⁰ См. А. J. Joki, Kai Donners kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik, стр. 178.

³¹ T. Lehtisalo, Über die primären ururalischen ableitungssuffixe, стр. 280—287.

³² T. Lehtisalo, Samojedische Sprachmaterialien (= MSFOu 122), Helsinki 1960, стр. 247—249.

(по данным, полученным от П. Саммаллахти) *sūrūlä kojäkāq 'met-s ästä mään kulkivat', qāmpərlä qalle-ja 'uimaa n jäi', sālā kwettälcap 'katsomaan ryhdyin', mēlle 'tehdä'*. В селькупском языке, хотя и довольно ограниченно, употребляется суффикс латива-транслатива *-ko, -tko* (в абсолютном склонении) и *-n...ko* (в посессивном склонении; пунктиром обозначаются пропущенные притяжательные суффиксы). П. Хайду обнаружил в селькупском языке и суффикс латива-транслатива *-wlā* или *-(l)lä*.³³ В рукописных материалах К. Доннера приводится суффикс латива *-(l)lä*, напр., (по данным, полученным от П. Саммаллахти), *tāmāllä, tāmāllä 'pystyyn, ylöspäin', kojällä 'sinne', tōällä 'tuoppe'*. По мнению П. Хайду, селькупский суффикс инфинитива *-ko* и суффикс латива-транслатива *-ko* можно объединить с конечным компонентом *-χäe* ненецкого модального суффикса *-ñäeχäe* и с суффиксом латива *-χä*, причем исходным для них послужил прауральский суффикс латива **-k*.³⁴ В семинаре по самодийским языкам, проведенном в осеннем семестре 1969 года в Хельсинкском университете, А. Й. Йоки высказался в пользу объединения селькупского суффикса инфинитива с ненецким глагольным суффиксом *-χV*, напр., (Л) *piēnta|χvā kajjəv 'etsimään-tarveruita hän lähti'* (вместо него может выступать также действительный суффикс инфинитива: *piēntä|š kajjəv*). Из многих этимологических соединений самодийских и финно-угорских суффиксов, приведенных А. Й. Йоки, следует, что рассматриваемые селькупские и ненецкие суффиксы признаются им первоначальными глагольными суффиксами.³⁵ Это во всех отношениях соответствует действительности. Следует также отметить, что в отдельных случаях в камасинском языке может выступать и суффикс латива *-IV*, напр., (Д) *bulan|l' 'zum Elch' (bulān 'Elentier; der grosse Bär')*.

Селькупский суффикс инфинитива *-ko, -ku, -go, -gu* можно объединить с камасинским суффиксом причастия *-ya, -ga*. По всей вероятности, селькупский суффикс инфинитива имеет причастное происхождение. В данном случае он, по-видимому, имеет и функцию причастия: (Д) *man lokkaiqq tšaitšan 'kuljin kettua metsästämässä'*. Это подтверждается также использованием селькупского глагольного суффикса *-lä* вместо суффикса инфинитива: суффикс *-lä* восходит к общему для южносамодийских языков суффиксу причастия **-IV*. Селькупский суффикс латива-транслатива *-ko, -tko, -n...ko* присоединяется так же, как и селькупский суффикс инструменталю: к именным формам с падежным суффиксом *-n (> -i)*. Очевидно, этот суффикс латива-транслатива происходит от формы причастия **V|k8* вспомогательного глагола 'быть'. От формы причастия **V|IV* вспомогательного глагола 'быть' получены, по всей вероятности, и селькупские падежные окончания *-wlā* или *-wlā* и *-(l)lä*, а также камас. *-IV*. Наконец, заслуживает внимания и тот факт, что у камасинского суффикса причастия *-IV(')*, соответствующего селькупскому суффиксу инфинитива *-lä*, в конце имеется гортанный смычный. Заметим, что камасинский суффикс инфинитива и указанный суффикс причастия составляют, в определенном смысле, пару: к обоим присоединился суффикс причастия **-i (< *-tV)*, который по действующим фонетическим законам дал в случае суффикса причастия *-IV(')* гортанный смычный.

³³ П. Хайду приводит обе формы, см. P. Hajdú, *The Samoyed Peoples and Languages* (=Indiana University Publications. Uralic and Altic Series, 14), Bloomington 1963, стр. 76—77.

³⁴ P. Hajdú, *Lativus és infinitivus kapcsolata a szamojédban*, стр. 124, 128.

³⁵ По записям автора настоящей статьи.

Следует отметить, что вокализм южносамодийских суффиксов инструментала сельк. $-s(\ddot{s}) \sim -z\ddot{s} \sim -(\chi)\ddot{s}$ и камас. $-s\ddot{s}(\prime) \sim -z\ddot{s}(\prime)$ полностью соответствует вокализму суффикса причастия $*-s\ddot{s}$ — гласные являются переднеязычными.³⁶ (То же можно сказать и об отношении селькупского суффикса латива-транслатива $-ko$ и суффикса причастия $*-k\ddot{s}$ — гласные являются заднеязычными³⁷).

Автор настоящей статьи придерживается мнения, что по своему происхождению рассматриваемые суффиксы инструментала в южносамодийских языках являются более поздними. Селькупский суффикс инструментала образовался от причастной формы $*V|s\ddot{s}$ вспомогательного глагола 'быть', камасинский суффикс инструментала — от причастной формы $*V|s\ddot{s}|t$ того же глагола. Причастные формы в обоих языках происходят от причастной формы $*V|s\ddot{s}$ вспомогательного глагола 'быть' южносамодийского праязыка, но в камасинском языке к этой форме прибавлен и другой суффикс причастия $*-t (< *-tV)$. Комитативная функция, свойственная южносамодийским суффиксам инструментала, является более поздней и выводится из функции инструментала. Эти две функции очень близки между собой и переход одной функции в другую легко представить себе, вспомним, например, переход комитатива в инструменталь в эстонском языке: *hobusega* 'вместе с лошадью' > 'с помощью лошади'. Переходу инструментала в комитатив в южносамодийских языках мог способствовать и факт, что суффиксы инструментала напоминают лично-притяжательный суффикс³⁸, с которым А. И. Йоки объединяет их и этимологически, П. Хайду же отрицает возможность такого рода объединения. М. А. Кастрен ошибочно отнес селькупские лично-притяжательные суффиксы к инструменталу (т. е. инструментально), напр., *kong tän e|s ees* 'der Fürst war klug' = 'князь был умный' (не 'с умом', ср. параллельный вариант того же предложения *kong tän e|s emel ees*, где ясно значение формы *tän esemel* 'умный'). В действительности, здесь и нет ошибки: в семантическом плане М. А. Кастрен шел по тому же контаминирующему направлению, что и носители селькупского языка. Ср. приведенную там же действительную форму инструментала в предложении *ute|s e kuele|n orgolsam* = 'рукой (= при помощи руки) поймал рыбу' — функция инструментала, *pangap sa a|e|s orgalbang* 'ножика молотком держу; ich halte das Messer a|s Hammer' (функция эссива).³⁹ Результатом семантической контаминации является, напр., (Д) *lokkän^o|ze* 'kettuni kanssa'.

Можно лишь поддержать предположение А. И. Йоки о том, что до возникновения более поздних южносамодийских окончаний инструментала от глагольной формы $*V\ddot{s}$ функцию инструментала-инструктива-модали в самодийских языках выполнял первичный падежный суффикс $-n$. Вполне верно отмечает А. И. Йоки и следующее: «On aivan ilmeistä, että kantasamojedissa on voitu ilmaista possessiivisiä ja instrumentaalis-modaalisia suhteita toisinaan pelkällä suffiksittomalla perusmuodolla, kuten mm. prof. Irene Németh-Sebestyén on osoittanut. Toisaalta on kuitenkin selvää, että sanottujen suhteiden ilmaistamiseen on kantasamojedissa — ja jo myöhäiskantaauralissa — käytetty n -suffiksia... Tuskin on mahdollista sitovasti osoittaa, mikä on ollut tämän n -kaasuksen

³⁶ T. Lehtisalo, Über die primären ururalischen ableitungssuffixe, стр. 199—210.

³⁷ Там же, стр. 350—351.

³⁸ Подробнее об указанном суффиксе (вместе с библиографией) см. P. Hajdú, A szamojéd konnektív-reciprok képző genetikai és areális-tipológiai összefüggései, стр. 70.

³⁹ T. Lehtisalo, Über die primären ururalischen ableitungssuffixe, стр. 240.

alkuperäinen tehtävä.» Для сравнения он рассматривает алтайские языки и приходит к выводу: «Useimmat altaistit ovat samalla kannalla kuin Ramstedt, joka totesi, että "n: llinen Casus instructivus näkyä kuuluvan altailaisten kielten vanhimpiin... Se on usein samanlainen kuin genetiivi, ja genetiivi sekä instruktiivi kuuluvat mahdollisesti etymologisesti toistensa yhteyteen"» (Рукопись, стр. 13).⁴⁰ В селькупском языке обнаруживается целый ряд примеров с параллельным употреблением

суффиксов инструментала: (К) чулымский говор *loga|sea ~ loga|n ~ loga|n|opse* (*loga* 'Fuchs'), кетский говор *lokka|se ~ lokka|ze ~ lokka|n|se (~ lokka|n)* (*lokka* 'Fuchs') и т. д. От предполагаемого А. И. Йоки первичного *-n* в конечном счете, по-видимому, происходит и тот суффикс *-n*, который в селькупском языке может предшествовать суффиксу инструментала *-s(š) ~ -zš ~ -(χ)š*, т. е. форма причастия *Všš от вспомогательного глагола 'быть' присоединилась к именной форме с этим первичным суффиксом. Подобное присоединение, видимо, имело место в определенных типах словосочетаний, туманное представление о которых может дать следующее селькупское выражение (по А. И. Йоки): (К) *tibeñ a|n mipel paη* = 'нож, данный братом'. Вполне мыслимо и такое объяснение: *n*, предшествующий селькупскому суффиксу инструментала, является результатом влияния аналогии других падежных форм, в которых этот *n* закономерен. Последнее высказывание может считаться веским особенно в силу того, что в других самодийских языках не наблюдается следов этого *n* в именных суффиксах, происходящих от *Všš.

Сокращения

Языковые данные, записанные следующими авторами: Д — К. Доннер, Д-н — А. Дульзон, К — М. А. Кастрен, К-п — А. Кюннап, Л — Т. Лехтисало, М — Т. Микола, П — Г. Прокофьев, П-а — Ю. Прокофьева, Т — Н. Терешенко.

⁴⁰ A. J. Joki, Eräistä samojedin deklinaation *n*-aineksista.

AGO KÜNNAP (Helsinki)

ÜBER DEN INSTRUMENTALIS IN DEN SÜDSAMOJEDISCHEN SPRACHEN

So wie im Selkupischen gibt es auch in der kamassischen Sprache einen allgemein gebräuchlichen Instrumentalis, dessen Endungen im Selkupischen *-s(š) ~ -zš ~ -(χ)š*, im Kamassischen aber *-sš(?) ~ -zš(?)* sind. Außer der ihm eigenen instrumentalen Hauptfunktion hat dieser Kasus in beiden Sprachen sowohl eine komitative Funktion als auch eine Reihe von anderen Kasusfunktionen, die man verallgemeinernd als modale Funktionen bezeichnen kann. Der Instrumentalis kommt sowohl in der absoluten als auch in der possessiven Deklination vor. Bei der absoluten Deklination werden die Endungen des Instrumentalis dem Stamm des Wortes oder den Numeruszeichen des Stammes hinzugefügt, im Selkupischen manchmal auch der Kasusendung *-n*. In der possessiven Deklination des Selkupischen werden die Endungen des Instrumentalis den Kasusformen mit der Endung *-n* und mit den folgenden Possessivsuffixen angefügt. In der possessiven Deklination des Kamassischen folgt die Endung des Instrumentalis den Possessivsuffixen.

Die Endungen des selkupischen und kamassischen Instrumentalis kann man etymologisch miteinander in Verbindung bringen, mit Ausnahme des Kehlkopfverschlußlautes im Auslaut der kamassischen Endung.

